

Дом актера. - 2006. - №4. - с. 3. - апрель.

Коркошко Светлана

19.04.2006

Светлана Коркошко, народная артистка России, актриса МХАТа им. М. Горького, отметила в нашем Доме 40-летие своей жизни на сцене. После того, как в Доме актера состоялся спектакль В. Салюка «Профессия миссис Уоррен», редакция задала актрисе несколько вопросов. Получился вот такой монолог, пунктир длинной судьбы, полной удивительных подробностей и поворотов

«ДЛЯ ЧЕГО И КОМУ ЭТО НУЖНО»

Потом Восточная Украина — и там никогда не было той языковой чистоты, что на Украине Западной. На Днепропровине, откуда родом мои предки, на Кировоградщине, Херсонщине люди всегда говорили на смеси украинского и русского. Для меня тогда что Россия, что Украина — это была одна Родина. И какие бы геополитические сдвиги ни произошли потом, я, извините, с этим своим ощущением и умру. Что же до чистоты моей русской речи, то я работала над собой. Помню даже, как кто-то из театрального начальства требовал запретить мне ездить к родителям в Кривой Рог: мол, возвращаясь, она начинает «петь» на сцене. Родной акцент возвращался в Москву вместе со мной.

Что запомнилось с той поры? Конечно, работа с Ливановым, Станицыным, Раевским, Эфремовым, Салюком... Вы уже поняли, что теория — не мой конек. Актер, с кем бы он ни работал, по-моему, сосредоточен на себе и на роли, прежде всего. Масштаб режиссера, партнера оцениваешь потом и начинаешь ценить не сразу. Но все названные мною люди были личностями, людьми высокой культуры, огромного опыта. Да просто чрезвычайно своеобразными людьми. Чего стоили хотя бы их легендарные шутки! Ливанов, например: «Борис Николаевич, как вам эта молодая актриса? Правда, хороша?» — «Хороша бывает только молодая телятина». Или Раевский: «Иосиф Моисеевич, какой сорт водки вы предпочитаете?» — «Водка, голубчик, бывает только двух сортов — хорошая или очень хорошая».

Ливановская «Чайка» мне до сих пор снится. По возрасту я уже обогнала Аркадину, а во сне все играю Нину Заречную. И, кстати, все лучше, все точнее играю. Жаль, нет техники, чтобы показать мои сны зрителям. Глядишь, стала бы давать уроки мастерства по телевидению. А наяву я до сих пор любую работу над ролью считаю тайной, и принципы ее формулировать не берусь...

Конечно, мне везло: Алексидзе подарил Антигону, Ливанов — Заречную, а Пырьев — Катерину Ивановну в «Карамазовых». Я считала, считая и буду считать его великим режиссером, а встречу с ним — подарком судьбы. Любовь ведь чем хороша? Она не повод для дискуссии. Взгляды могут меняться, человек — уметь или образовываться, попадать под чье-либо влияние. Но у меня нет «социально-искусствоведческого» взгляда на pyrьевские фильмы. Я от них просто «балдею». И при этом прекрасно себя чувствую. И чувствовала по ту сторону экрана...

Что заставляло меня играть не по месту основной прописки? А я это за свою жизнь делала часто. Да голод актерский! Так я сыграла в Грузии Кручинину, в Киеве — Настасью Филипповну, в Москве — мадам Александру Ануя, не так давно в «Бесах» у Анджея Вайды. Из «Современника» позвонил Леонид Эрман и со свойственной ему интеллигентностью и предупредительностью предложил мне поучаствовать — «к большому сожалению», как он сказал — не в новом, а в идущем спектакле. Я не стала строить из себя капризную

МХАТ. «Прощание с Матерью». Дарья

примадонну, а согласилась, с радостью приняв этот подарок судьбы. «Хоть бы денек так пожить», как сказано где-то у Островского. Если быть по-настоящему внимательной к своей жизни и не впадать в грех неблагодарности, подарки не кончаются. Сегодня я в «Современнике» поучаствовала уже в четырех спектаклях. Счастьем была работа с Вайдой, общение, пусть и короткое, с Галиной Борисовной Волчек, Игорем Квашой, Чулпан Хаматовой, Олей Дроздовой, Володей Суворовым, Владимиром Федченко — всех не перечислишь.

О ролях правильно говорят как о детях. Все любимые. Но я отмечу все-таки две: Заречную, о которой уже говорила, и, как ни странно, старуху Дарью в распутинской «Матере». Говорю «как ни странно», потому что редко какая актриса любит играть старух. Но есть одна тайная причина, по которой Дарья мне особенно дорога. (Что текст изумительный и сам Распутин изумительный, это

не обсуждается, как и режиссер из Якутии Андрей Борисов). Она мне особенно дорога тем, что я, по сути, в этой роли играю свою дорогую маму. Вот сказала «играю» и подумала, что слово неточное, очень актерское. Не «играю» — «воплощаюсь», «погружаюсь»...

А чего я не сыграла? Да ничего не сыграла! Дело же не в ролях как таковых. Роль громкая иногда украшает послужной список, но совсем не обязательно выражает тебя, твою душу. А если душа молчит, никакие Ромео с Джульеттой не помогут... Да нет, ни о чем не жалею. Разве что о том, что не сыграла с Лешей Петренко «Украденное счастье» И. Франко, во МХАТе. Думаю, мы бы с ним привнесли туда нечто существенное, «сердешное». Сейчас вот с удовольствием играю Бернарда Шоу. Он драматург жесткий, рациональный, насмешливый. А мы, славяне, — «здушевики». Но режиссеру виднее. Может, если «стерву» миссис Уоррен играть «с душой», и возникнет новый смысловой объем? Пьеса очень современная. В ней поднята одна из вечных тем — как далеко может зайти человек, желая добра своим близким, можно ли цинично предпочесть благополучие любой ценой и забыть о соевести. Ну, и вполне «ангично» звучит в пьесе тема противостояния матери и дочери...

Как я вспоминаю сегодня Эфремова? Думаю, его правление для МХАТа было периодом драматическим, если не трагическим. Хотя валить все на него — глупо и несправедливо. Ясно, что МХАТ был в кризисе, и не приди Эфремов, какой бы «золотой век» его не продолжился, время неумолимо. Внутри театра абсолютного авторитета, способного объединить труппу, тогда не нашлось. Другое дело, что и ему это не удалось при всем его сказочном обаянии и, как теперь говорят, харизме. Невозможно уйти от главного факта, связанного с его именем, — разделения театра. Ну, а считать это достижением, даже очень любя Олега Николаевича, как-то трудновато. Однако, повторяю, возлагать всю вину на него одного было бы нечестно...

После разделения я осталась на Тверском по двум причинам. У Эфремова были актрисы, к которым он явно благоволил. Мне казалось, что я не вхожу в эту компанию. (Смешно, но через несколько лет на чьем-то юбилее он, мрачно со мной поздоровавшись, вдруг сказал: «Эх, не тех взял!»). Кроме того, на Тверском оставались люди, с которыми я была связана и творчески, и человечески: Лена Губанов, Люба Стриженова, Саша Дик, Толя Семенов... Был момент, когда Дороница официально пригласила вернуться Владимира Салюка, моего мужа, который после разделения ушел совсем в другой театр. Но он отказался. Был период в самом начале, когда мы как-то сплотились вокруг Татьяны Васильевны, и даже возникла какая-то вера и надежда. Но назвать свою актерскую судьбу во МХАТе им. Горького счастливой, язык, конечно, не поворачивается. Вот почему я работала на стороне, пыталась, «используя семейное положение», делать самостоятельные работы. И в отчаяние впадала, и заявляла об уходе подавала, но получала ответ, что нужна театру. Я человек терпеливый, это у меня тоже от родителей. Поэтому никого не виню, ни о чем не жалею, уверена, что жизнь больше сцены. Спасает дом, семья и, по счастью, мой легкий характер. У меня есть друзья, мне не изменяют поклонники, я привязана к семье — чего же больше? «Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни». Что еще добавить к словам Заречной? Только одно: Светлана Коркошко думает так же.

PS. 1 апреля во МХАТе им. Горького — премьера спектакля «Юли Блаз» В. Юго в постановке Владимира Бейлиса. В роли герцогини Альбукерской Светлана Коркошко.

Фотографии предоставлены МХАТ им. Горького

